

Гордин А.М.,
кандидат искусствоведения,
Российский Государственный Эрмитаж,
г. Санкт-Петербург.

ОПОЧЕЦКИЙ МЕЩАНИН И МЕДНОГО ДЕЛА МАСТЕР

Светлой памяти Михаила Ефимовича Васильева

Как это ни странно, но в Опочке лили колокола. Настоящие церковные колокола. И было это, по историческим меркам, не так уж давно – чуть более двухсот лет назад.

Еще в начале минувшего века в своем путеводителе по древнему Пскову Н.Ф. Окулич-Казарин при описании Дмитриевской церкви в качестве курьеза отметил: «Один колокол отлит в 1790 г. Опочецким мастером Максимовым»¹. Метрика 1887 года уточняет: «Всех колоколов семь. Большой имеет надпись: *«Лить во Псковъ 1790 года Мая 18, града Опочки мастеръ Ѳеодоръ Максимовъ въсу имъеть 40 пуд»*. Прочие надписей не имеют» (Научный архив ИИМК РАН. Р-III. Д. 5431. Л. 9 об.).

К этой надписи на псковском колоколе ныне можно добавить еще две.

«Лить сей колоколь въ городъ Опочкъ къ церкви къ Покрову Пресвятыя Богородицы въ Черницкой погостъ, при Священникъ Евсеѣ Лукинъ, Діаконъ Димитрій Григорьевъ. Псковскіе мастера Ѳеодоръ Максимовъ и Василій Трофимовъ. Стараніемъ помѣщицы Анны Бухвостовой 1779 года Ноября 13 дня» – надпись на «большем» колоколе Покровской церкви Черницкого погоста («остальные 4 колокола без надписей»; Научный архив ИИМК РАН. Р-III. Д. 5391. Л. 9 об.).

«Лить сей колоколь въ городъ Опочкъ мастеромъ Опочецкимъ мѣщаниномъ Ѳеодоромъ Максимовымъ въ 1782 году Юня 18 дня» – надпись на одном из семи колоколов Николаевской церкви пригорода Врева (Научный архив ИИМК РАН. Р-III. Д. 5357. Л. 9 об.)².

Примечателен неофициальный характер приведенных надписей, весьма контрастирующий, к примеру, с надписью на большом колоколе той же вревской церкви *«Перълить сей колоколь во Вревской погостъ, Островскаго уѣзда, въ царствованіе Государя Императора Александра II^{го} при Епископъ Псковскомъ Павль при Священникахъ Андрей Верещагинъ и Василій Цвиневъ тщаніемъ церковнаго старосты Симеона Стахіева. 1876 г. Ноября 15 дня; лить въ заводъ купца И.Д. Финляндскаго въ Москвѣ; въсу 62 пуда 30 фунтовъ»* или

¹ Окулич-Казарин Н.Ф. Спутник по древнему Пскову (любителям родной старины). Изд. 2-е, испр. и доп. Псков, 1913. С. 279.

² Благодарю исследователя русских колокольных звонов Александра Борисовича Никанорова, консультировавшего меня при написании этой статьи и указавшего, в частности, на эти тексты, сохраненные метриками церковей в архиве б. Императорской Археологической Комиссии. В 1887 году Археологической Комиссией были разосланы по епархиям формуляры «Метрики для получения верных сведений о древнеправославных храмах Божиих, зданиях и художественных предметах», одним из пунктов которой были надписи на колоколах (сведения собирались о всех церквях, возведенных до XIX века).

торжественными формулами, бывшими в ходу у прославленных псковских литейщиков XVI–XVII веков *«Божьею милостью, Пречистыя Его Матери и св. Троицы помощію, слить сей колоколъ лѣта 7127 (1619), Декабря въ 6 день, на память иже во святыхъ отца нашего Николая Чудотворца, къ Боголѣпному Преображенію Господа и Спаса Нашего Иисуса Христа, что у Старого Костра, въ Среднемъ Городѣ, при державѣ Царства благовѣрнаго и боголюбиваго царя и государя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси, при епископѣ Селиверстѣ Псковскомъ и Изборскомъ, а дѣлали Савва да Кузьма»* (надпись на колоколе с колокольни Михаило-Архангельской церкви во Пскове)³.

Колокол в Черницкий погост слит был – как то нередко бывало – в связи с постройкою новой церкви. *«Сего апреля 4., дня 1774 г[о]ду посыланнѣмъ всанктпетербургѣ къ его преосищенству ѡпочецкаго уѣзду церкви покрова прѣтѣя бѣи черницкаго погоста прихожане поручица вдова анна стефанова жена шарова спрочими прошениемъ объявили: ѡзначенная приходская покрова бѣи церко[въ] построена еще впрошломъ 7176.^м (1668. – А.Г.) году которая издревности свое[и] совсемъ уже обѣтшала. Дажковмещению приходящаго для богомоления народа весьма невмѣстительна чего де ради она поручица поговоря полюбовно спрочими приходскими людьми возмѣли намѣрение намѣсте онои обѣтшалои цркви строи[ть] новую пространнейшую воимя тое ж покрова прѣтѣя бѣи церковь собственнѣмъ коштомъ натом же Черницкомъ погостѣ поблизости показанной стар[о]и церкви нотакако безблагословения его преосищенства наоную стѣую церковь кпостроению какъ лѣсу возить такъ јмастеровыхъ людей наймовать сами собою несмѣять ипросили: дабы соблаговолили его преосищенство понамерению и[хъ] напоказанную стѣую церко[въ] лѣсъ возить ионую строи[ть] преподать архипастырское блословение а доколѣ ж оная новая церков[ь] јнипостроена (?) будетъ то всякое божественное сиенно служение отпраля[ть] встарои церкви попрержнему акакъ ж оная церков[ь] (неразб.) построена ивсѣмъ церковнымъ украшениемъ управлена будетъ, то ѡсиеніи иѡвзятіи стѣаго новаго антимиinsa ѡсобливо прошениемъ прося его преосищенство неѡоставить.,...»* «...Нежели старая подлинно вѣтхая, – гласила архипастырская резолюция, – имѣсто есть блѡпристойное к построению новой церкви; то дать на сіе строение изконсісторіи Указъ» (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 96. Л. 1–1 об.). Со строительством не торопились и, судя по клировым ведомостям, оно было завершено лишь в 1785 году. Указ об освящении новой церкви был дан из консистории 5 августа 1786 года (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 449. Л. 1–1 об.). Однако старую, вдруг оказавшуюся прочной, разбирать и не думали. Перестроенная на теплую, во имя Николая Чудотворца, она простояла еще более полувека.

Колокол вревской церкви, считавшийся «подбольшим»⁴, напротив, был, несколько моложе самого храма, основанного, по преданию, в 1777 году (Научный архив ИИМК РАН. Р-III. Д. 5357. Л. 1 об.). К тому же, «безадресность» надписи – признак отливки колокола не на заказ, а впрок, на продажу...

³ Окулич-Казарин Н.Ф. Спутник по древнему Пскову... С. 125–126.

⁴ Большой колокол, как указано выше, весил более 62 пудов, третий по счету был «средней величины», а четвертый весил 6 пудов.

Последнее, впрочем, едва ли приложимо к колоколу Дмитриевской церкви, отливавшемуся во Пскове, т. е. на месте – видимо, по причине его большого веса. Да и архивные документы свидетельствуют, что опочецкий мастер много работал на заказ. Не в последнюю очередь, получение подрядов обеспечивали частые пожары деревянных церквей.

17 апреля 1792 года в пригороде Красном сгорела Николаевская церковь «с” колокольнею инанеи четырьмя колоколами»⁵. В составленной по указу архиепископа Иннокентия описи оставшемуся после пожара имуществу среди прочего значится: «Колоколной меди собрано приходскимъ людемъ дватцать пять пуд., колоколником опочецким мещаниномъ Федоромъ Маѣимовымъ собрано одинатцать пуд., И того всеи меди згарлои триѣат[ь] шесть пуд., которая приходскимъ же людемъ отдана вышеозначенному колоколнику Маѣимову для слитію колоколовъ» (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 546. Л. 2, 8).

Как много времени занимала отливка среднего по размерам колокола? Оказывается, всего несколько недель. Порой, однако, выполнить работу в срок было еще полдела. Требовалось немало усилий, чтобы... вручить ее заказчику. Именно такому случаю обязаны мы следующим интереснейшим указом, данным из консистории в Опочечское духовное правление в ответ на личную жалобу Федора Максимова. «Сего ноября 17 дня присланнымъ въ оную консисторію опочецкой мѣщанинъ и колоколенной мастеръ Федоръ Максимовъ доношеніемъ объявляет, что 794., года въ јюль мѣсяцъ а котораго числа неупомнить обязался онъ писменно псковскаго уѣзда погоста Оклюдицъ съ священникомъ Стефаномъ Тимоѣевымъ чт[о]б за взятую имъ у него священника мѣдь колоколенную двенатцать пудъ слить того погоста для церькви колоколь сприбавленіемъ къ той мѣди своей пяти пудъ и дватцати пяти фунтовъ колоколь которой имъ еще сегожъ года вавгусте мѣсяцъ въ первыхъ числахъ ислить но хотя онъ ево Стефана Тимоѣева и ожидал къ себѣ въ городъ Опочку для полученія отъ него того колокола и учиненія снимъ подлежащаго расчета но немогъ дожждать то онъ и принужденнымъ найдя (?) дабы непоследовало каковаго ему препятствія поучиненному между ими договору послалъ (?) къ нему Тимоѣеву работника опочецкаго мѣщанина Якова Козленка списмомъ дабы оной прибылъ в Опочку или кого отъ себя присла[л] здоверенностію, для, какъ полученія колокола и за оной порашете платеж денегъ вмѣсто каковыхъ обстоятельствъ онъ священникъ от 20.,²⁰ числа того ж августа даннымъ ему Козленкову писмомъ ево между прочимъ увѣдомля[ет] чтобъ онъ взялъ терпеніе до 27., числа тогожъ мѣсяца по каковому ево Тимоѣева увѣдомленію и понынъ какъ самъ равно, и отъ себя кого здоверенностію для взятъя колокола такъ и подлѣжащаго пододговору для рацета никого неprisлал и чрезъ то навель // он священникъ Тимоѣевъ ему взапущенномъ втотъ колоколь собственному ево кредите по сіе время убыток просит означеннаго священника выслать къ нему въ Опочку. ... по коему прошенію ... ОПРЕДѢЛЕНО: означеннаго священника Тимоѣева сыскать дабы онъ ся непременно къ оному мастеру въ будущемъ декабре мѣсяцъ обязать и

⁵ Ср. с данными «Описи псковской епархии николаевской церкви что впригороде Красномъ», из числа так называемых офицерских описей 1760-х годов: «колоколня ветхая јколокола сней снеты јсодержатца нацерковной паперти „ два колокола неболишихъ’.» (РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 346. Л. 2).

обязанъ въ консисторіи подпискою и въ опочечкое духовное правленіе послать указъ и велѣтъ когда оной священникъ туда явится учинить между ими объ ономъ колоколѣ противъ ихъ договора ... же вдовоставленіи того колокола вклюдичкой погостъ на чей щотъ (?) слѣдуетъ разбирательство исправдливейшей расчѣтъ снаблюденіемъ и того дабы просителю паче и святой церькви немогло причинится какова лишняго убытка и что учинено ... репортовать тому правленію.» (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 606. Л. 20)⁶.

Упоминаемый в указе «работник», судя по всему, помощник, с которым, как и всякий литейщик, работал Федор Максимов. Несомненно, что, подобно множеству своих братьев, помимо колокольных подрядов, мастер и его подмастерье промышляли также чинкой и изготовлением медных бытовых изделий.

В числе 42-х опочечких купцов и опочечких и красногородских мещан Федор Максимов подписал «Похвальный лист», выданный 18 января 1793 года Опочечким городовым магистратом ратману Силе Федотову сыну Селигину, причем среди мещанства подпись его стоит первой: *«вмѣсто Опочечкихъ купцовъ Алекся Пальчикова, Ивана Песьяцкаго, Василя Карузина по ихъ прошенію и въ свое мѣсто Опочечкій мѣщанинъ Федоръ Максимовъ подписалъ»*⁷.

Заметим, что «опочечким мещанином» или «опочечким мастером» Федор Максимов называет себя в колокольных надписях лишь начиная с 1782 года. Правда, надпись на колоколе 1779 года, где Федор Максимов и Василий Трофимов именуют себя «псковскими мастерами», не может быть вполне принята в расчет – именно потому, что речь в ней идет о двух лицах. Кто был этот Василий Трофимов? Был ли он учителем Федора Максимова? Но почему в таком случае имя его не стоит в надписи первым? Ни одной другой работы Василия Трофимова специалистам пока не известно...

Говоря о названных мастерах, как о последних в славном ряду псковских литейщиков, можем ли мы утверждать, что оба и по выучке были псковскими? А не учились своему непростому ремеслу, скажем, на одном из столичных литейных заводов? В отличие от каменного зодчества – пример Крестовоздвиженской церкви в Велье (1763) показывает, что и при Екатерине псковские каменщики продолжали работать совершенно в духе XVII столетия – непрерывность местной традиции колоколотейного искусства вызывает определенные сомнения⁸. Известно, правда, что еще в первой половине XVIII

⁶ Другие относящиеся к этому делу документы, включая само прошение Федора Максимова, возможно, еще будут обнаружены в архиве Псковской духовной консистории (ГАПО. Ф. 39).

⁷ Софійский Л.И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Псков, 1912 (репринтное издание: Псков, 2004). С. 107–108. Оригинал этого документа, равно как и воспроизведенная в книге Софійского *вольная*, или абшить, данная Федоту Степанову сыну Селюгину и его семейству графом К.Г. Разумовским, хранились у потомков Василия Силыча Селюгина и погибли в блокадном Ленинграде.

⁸ Показательно, что при строительстве той же Крестовоздвиженской и Преображенской церквей управляющий Велейской вотчиной, рачительный Л.А. Травин, посылал выменять новый колокол «около двадцати пяти пудов, да еще купить вновь в три пуда с половиною и в один пуд», т.е. совсем маленькие колокола, с оказией в Москву; «почему, – пишет далее Травин, – выменен большой в 25 п. 14 ф., к промененному прибавлено денег сто шестьдесят восемь рублей, за покупной вновь дано двадцать восемь, за меньшей восемь рублей, из коих малой отдан к Преображенской церкви, а те два к Воздвиженской, привезены весною наемным из Москвы извощиком». (Как показывают надписи, даже в

века, примерно с 1704 по 1748 год, во Пскове работал крупный литейщик Фома Юрьев котельник, изготавливавший колокола исключительно на продажу: «а лил псковитин посацкий человек Фома котельник к церкви». «На последнем слове литой текст кончается, и совершенно очевидно, что колокола шли на рынок, и любая церковь могла их приобрести и вырезать свое наименование»⁹.

Так или иначе, но факт остается фактом: последним пунктом прописки колокольного дела на Псковской земле волею судеб стала именно Опочка. Насколько редким явлением был для послепетровской Руси этот промысел? Статистическими данными на сей счет мы не располагаем, однако очевидно, что наиболее благоприятные конкурентные условия для его развития складывались в удаленных от московских и иных колоколенных заводов областях. На Русском Севере, как показывают исследования О.В. Овсянникова, кустарным способом колокола продолжали лить и большую часть XIX века. Особого упоминания заслуживает династия колокольников Христофоровых. Основателем ее был, судя по всему, «архангельской округи кегостровец» («дьячек кегостровский») Иван Христофоров. Самый ранний из отлитых им колоколов датирован 1770 годом, самый поздний – 1817-м. Сын его Алексей работал в 30–40-х годах, а два известных нам колокола Петра Христофорова имели даты 1862 и 1863 год¹⁰. Надписи на кегостровских, как и вообще местных архангельских колоколах XVIII–XIX веков, крайне редко содержат указания на место и день и месяц отливки, которые у Федора Максимова, по-видимому, можно считать данью псковской традиции, ведь со старыми подписными колоколами мастер неизбежно сталкивался при переливке.

О смерти опочецкого мастера мы также узнаем в связи с его очередным, увы, на сей раз оставшимся неисполненным заказом.

«Сего 1798,,²⁰ года мая ,,б²⁰ дня, – жаловались в Опочецкий магистрат священнослужители Покровской церкви Полянского погоста, – опочецкой мѣщанинъ Феодоръ Максимовъ далъ подписку в том что редился онъ слить колоколь въсемнатцать пудъ¹¹; и принель от означенной церкви вѣтхой колоколь, ... вѣсомъ девять пудъ четыре фунта, ... а какъ небезъизвѣстно намъ что оной мещанинъ Максимовъ въ минувшем октябрѣ мѣць умрѣ послѣ смерти ево опочецкой купецъ Ерофей Болотовъ покакомуто неизвѣстному намъ случаю тотъ колоколь съ протчею мѣдью взялъ ксебѣ...» (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 797 «Дело о возвращении церкви колокола, незаконно присвоенного купцом города Опочки Ерофеем Болотовым или о денежном вознаграждении». Л. 1)¹².

XIX столетии жители Псковской губернии – невзирая на дальность расстояния – по-прежнему предпочитали заказывать и переливать колокола именно на московских заводах, хотя к тому времени колокола стали отливать и в Питере.)

⁹ Богусевич В.А. Псковские литейщики XVI–XVIII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1934. № 9–10. С. 161. Верхняя дата трудовой биографии Фомы Юрьева уточнена А.Б. Никаноровым.

¹⁰ Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. (Archaeologica Petropolitana, IV). Т. II. СПб., 1998. С. 50–52. Основной корпус надписей на архангельских колоколах содержат все те же метрики Императорской Археологической Комиссии.

¹¹ Обращает на себя внимание близкое совпадение этого веса с весом колокола, отлитого для древней Христорожественской церкви погоста Оклюдиц (семнадцать пудов двадцать пять фунтов).

¹² В первые годы николаевского царствования на страницах местной истории появился еще один «мещанин Феодор Максимов» – старообрядческий наставник (ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 840 «Дело об

За те без малого двадцать лет, что отделяют дату кончины Федора Максимова от самой ранней из ныне известных его работ, опочецким мастером могло быть отлито до полусотни колоколов, а возможно и больше... Сохранились ли хоть один из них? После массового уничтожения колоколов в 1930-х гг., сопоставимого по масштабам разве что с тем, что творилось после Великой революции во Франции, а также после много меньших, но все же ощутимых утрат, нанесенных войной (не забудем и частую переливку колоколов в XIX веке), это было бы равносильно чуду. К тому же, мелкие, в несколько пудов, колокола отливались, по обыкновению, без надписей...

И все же поиск имеет смысл. Причем не только на Псковщине, но и в бывшей Лифляндии¹³, в екатерининские времена входившей в одну с ней православную епархию (при достопамятном архиепископе Псковском и Рижском Иннокентии). Даже если результат окажется отрицательным, по ходу дела будет, наконец, выполнена крайне важная и, к удивлению, до сих пор никем не предпринятая работа по полной научной каталогизации всех, сельских и городских, псковских звонниц. Работу эту важно сделать именно сейчас, пока живы последние свидетели открытия церковью «при немцах», когда в основном и собирались, по крохам, нынешние наборы колоколов.

Голос одного случайно уцелевшего колокола – порой единственное напоминание о том или ином утраченном в 30–40-е годы храме. Так, со слов многолетнего хранителя Святогорского монастыря М.Е. Васильева, могу указать на два небольших колокола XVIII века, с 1980-х годов находящихся на колокольне Святогорского Успенского собора. Один – из Воскресенской церкви погоста Воронича (1789)¹⁴, той самой, чьими прихожанами были обитатели сельца Михайловского, другой – из Михаило-Архангельской с Велья (1710). Звон Михаило-Архангельской церкви, разносившийся с высокого городища над гладью трех озер, отличался особенной красотой. За семь верст, с другого конца озера Велья, ему «отцетисто» отвечал звон Ильинского погоста... Рассказывают, что сбрасывать колокола на Велейское городище загнали колхозный трактор. С плачем вышли из своей сторожки жившие при церкви «монашки». С громким граем тучей поднялись над храмом стаи испуганных птиц. Прощальный звук упавшего колокола слышен был далеко окрест. «Протяжно и жалостно так вуюло...»

уничтожении вновь построенной старообрядческой моленной в деревне Марфино Опочецкого уезда, 18–22 февраля 1827 г.»). Кажется, он был невельским мещанином.

Одно из дел канцелярии псковского губернатора за 1809 год в ряду других опочецких домовладельцев упоминает мещанина Ивана Максимова (ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Св. 25. Д. 289. Л. 7). В «Обывательской книге города Опочки с 1829го по 1832 год» (ГАВЛ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1) находим лишь духовного правления сторожа Илью Максимова, имевшего «домъ въ городѣ Опочкѣ деревяннаго строенія самимъ построенной въ 28^м квартале на 11^м мѣстѣ под № 110^м» – предположительно на месте нынешнего дома № 33 по Пушкинской (б. Никольской) улице (перестроенного, впрочем, из дома старой постройки, возраст которого указать затруднительно).

¹³ Т. е. в Латвии и южной Эстонии.

¹⁴ Колокол этот не может быть старше 1780 года, когда вместе с предыдущей церковью сгорела «колоколня съчетыр'ми колоколами» (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 223. Л. 3).

Список сокращений:

ГАВЛ – Государственный архив в г. Великие Луки

ГАПО – Государственный архив Псковской области

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии
Наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил. 1. Колокольня собора Святогорского монастыря. Один из колоколов второй половины XVIII века. *Фото 1987 г.*

Ил. 2. Кустарным способом долго продолжали отливать колокола и в Западной Европе. На снимке – колокол в церкви деревни Артанн (бальзаковские места близ г. Тура). Идущая против часовой стрелки трехстрочная надпись по-французски гласит: «+ Имя мне нарек монсеньор Анри Мари Бернарден де Россе де Флёри архиепископ + Тура советник короля во всех его советах и сеньор барон Артанна в 1754 году. Делатели Жак Акен и Франсуа Буттар». Обращение от лица колокола, как и наличие у него имени, типично для европейской традиции; Артанн до революции 1789 года был архиепископской дачей. *Фото 2007 г.*